

Л. Д. Райгородский

ПИТЕР БРЕЙГЕЛЬ. СЛЕПЫЕ

В предпоследний год жизни (1568) Питер Брейгель Старший создал одну из самых значительных своих картин, которая известна как «Притча о слепых» (эту картину иногда называют просто «Слепые», реже «Падение слепых»). Сюжет картины соотносится с притчей о слепых, содержащейся в Евангелии от Матфея (15.14).

Имея в виду фарисеев, Иисус Христос сказал: «Оставьте их: они слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

Посмотрим на картину (рис. 1). Шесть слепых вереницей бредут мимо деревни или по окраине небольшого селения. Направление их движения — нисходящая (падающая) линия, опускающаяся слева направо к ручью или пруду. Их слепой поводырь упал в неглубокую воду. В нелепой позе с беспомощно раскинувшимися в стороны руками и ногами он напоминает упавшее на спину насекомое. Его лицо — комок плоти. Ведомые им слепые тоже обречены упасть один за другим. Ситуация непоправима и трагична.

Рис. 1. П. Брейгель. Притча о слепых

Композиция картины построена так, что слепые движутся слева направо, а потому, рассматривая картину традиционным образом — тоже слева направо, мы входим в пространство, представленное на картине, вместе со слепыми. Неторопливо рассматривая их по очереди, мы можем познакомиться с каждым из слепых и проследить, как они ведут себя и как изменяется их состояние.

Райгородский Леонид Дмитриевич — канд. искусствоведения, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: raigor-spb@mail.ru

© Л. Д. Райгородский, 2013

Вот крайний левый слепой — последний в их цепи, но первый в нашем «прочтении». Его лицо спокойно. Он бредет автоматически в привычной безмятежной задумчивости, почти полудреме. Его плащ запахнут. Он неторопливо равномерно отмеряет шаги. Глядя на его лицо, мы понимаем, что в таком состоянии он пребывает всегда — изо дня в день — на протяжении многих, многих лет. Вероятно, он слеп от рождения. Его правая рука легко, спокойно и привычно поддерживает посох, который держит ступающий перед ним слепой. Такими посохами передается движение от одного слепого к другому. А в левой руке этого слепого есть еще и палка, которая поддерживает его равновесие и дает большую уверенность в устойчивом положении тела.

Состояние слепого, идущего перед ним уже другое. Его лицо выражает нарастающее внимание. Чуткие пальцы руки, которыми он касается плеча идущего перед ним, быть может, уловили сбой в ритме шагов. Но возможно, это ему только показалось. Темный плащ этого слепого слегка распахнулся ...

Третий явно встревожен. Голова приподнята. Рот приоткрыт. Брейгель с потрясающим мастерством и чутким пониманием передал выражение его лица. Глядя на это лицо, мы чувствуем, с каким напряженным вниманием этот слепой вслушивается в то, что говорят ему его чуткие пальцы, лежащие на плече предшествующего. Посох, который связывал его с идущим перед ним, тот выпустил. И все, что сейчас происходит впереди, можно попытаться узнать только пальцами руки. Всеми силами своего опыта хождения вслепую он пытается понять, что они почувствовали. На лице застыл тревожный вопрос. Какой ответ получит слепой? Жилы на шее вздулись. Он приостановился. Но поза его еще устойчива. Нарастание тревоги и опасения подчеркивается широко распахнувшимися полами его плаща.

Обратим внимание на то, как Брейгель написал ноги слепых. Глядя на них, мы понимаем, что такими ногами не ходят, ими переступают. Свои ноги слепые представляют. У слепых нет походки, есть дробная поступь. Обувь на ногах мягкая, благодаря чему подошвами ступней слепые как бы охватывают неровности поверхности земли и потому более надежно опираются на них. По тому, как изображены ноги каждого слепого, мы замечаем как сбивается ритм их движения по мере приближения нашего взгляда к упавшему поводырю.

Посмотрим теперь на четвертого слепого. Четвертый уже понял, что происходит! Его левая рука резко вывернулась ладонью вверх, но рефлекторно удерживает посох. Полы его плаща скомкались. Ноги подогнулись. Замечательно его лицо. Губы плотно сжаты. Черты заострились и затвердели. Внутренне он весь собрался...

Обратим внимание на замечательную находку Брейгеля: плащ каждого следующего слепого в картине распахивается все шире и шире, и это показано как «кадр за кадром», что создает очень сильный зрительный почти кинематографический эффект.

Пятый ... Пятый уже падает. Его рот сведен страшной гримасой. Голову этого слепого Брейгель написал повернутой так, что лицо и пустые глазницы обращены в сторону зрителя картины, т. е. обращены к нам. Пустыми глазницами этот человек **смотрит** на нас! Глазницы выглядят как какие-то неведомые локаторы. Их мощное излучение пронизывает насквозь.

Брейгель — глубокий знаток основ внутреннего мира людей, тонкий мастер условного и иносказательного живописного рассказа, сумел постичь и передать главное: в этом человеке открылось зрение иной природы. Он духовно прозрел!

Выразительность его лица ошеломляет. Среди памятников мирового искусства мало что может сравниться по силе выразительности с этим брейгелевским образом духовно прозревшего слепого.

Предоставленные самим себе, отторгнутые миром, глубоко несчастные слепые обречены. Они бредут мимо селения, и это шествие **мимо** — их удел. Они — изгои.

Изуродованные несчастьем люди бредут на фоне прекрасного пейзажа. В картине есть удивительная по силе деталь. Над посохом, которым еще связаны четвертый и пятый слепые, т. е. между цепью слепых и церковью, Брейгель поместил безлистное, т. е. слепое дерево (ведь листья деревьев это, конечно же, их глаза — ими они смотрят на Солнце). Это безглазое дерево, оказавшееся между слепыми и храмом, доводит остроту композиционной оркестровки трагедии до предела.

Слепые.

Они ничего не видят. И их не видит никто.

Во многих исследованиях этой картины указывается, что кроме слепых других людей здесь нет. Например: «Нигде не видно ни одного человека, — только корова спокойно пасется на берегу пруда, в который падают слепые» [1, с. 256].

Картина дошла до нашего времени с утратами. Но если внимательно и подробно рассмотреть все, что написано на ней, то можно заметить сохранившуюся верхнюю часть фигуры человека в синей шапке с палкой перекинутой через плечо у стены церкви (за слепым деревом) (рис. 2).

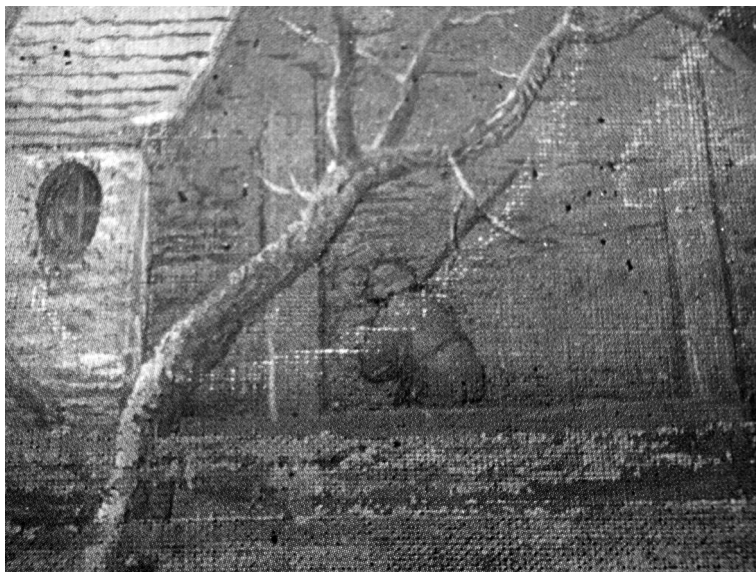

Рис. 2. П. Брейгель. Притча о слепых. Фрагмент

По оставшимся очертаниям можно увидеть трех коров, мордами склонившихся к траве и воде. С трудом, но можно угадать фигуру пасущего коров пастуха. (Фигуру пастуха можно увидеть на копии этой картины, сделанной сыном Брейгеля Питером Брейгелем Младшим, находящейся в Лувре. Репродукция этой копии есть в книге

[2, с. 233]). Таким образом, есть два «свидетеля» того, что происходит. Но «свидетели» слепых не видят, потому что не хотят видеть. Слепые никому не нужны. Они — лишние в этом мире.

«Безжалостность картины определяется прежде всего тем, что изображенные на ней страдальцы не вызывают ни у кого сочувствия — ни у самого художника, ни у зрителей... Они не только физически ущербны, неполноценны, потому что слепы; они страшны, безобразны, отталкивающи настолько, что не возбуждают сочувствия» [3, с. 252]. Как это ни удивительно, подобные высказывания можно встретить довольно часто. Если видеть слепых такими, какими их увидел на картине Брейгеля автор приведенных слов, то понятно, почему они отторгнуты зрячими и могут искать помощи только друг у друга.

Но нельзя согласиться с тем, что они не вызывают сочувствия у художника. Брейгель написал слепых так, что невозможно не почувствовать его сострадания. Лицо рыдающего человека некрасиво. Но мы терпим и прощаем эту некрасивость, потому что она временна. Слепота же изменяет, калечит и уродует лицо навсегда. Но можно и нужно уметь за внешней непривлекательностью увидеть **человека**, пережившего большое несчастье — утрату способности видеть свет, людей и предметы окружающего мира, несчастного человека, обреченного жить в темноте. Став слепым, он не перестал быть человеком!

К сожалению, людям чаще всего гораздо удобнее не видеть чужого горя, страдания и боли, не видеть людей отягощенных внешней непривлекательностью. Брейгель откровенно и безжалостно показал это на своей картине. Мы видим группу слепых, и, несмотря на то что они товарищи по несчастью и по взаимопомощи, каждый из них страшно одинок в этом мире. Их одиночество — особый вид одиночества, разрушить которое могли бы только зрячие, которым открыт окружающий мир. Но зрячие оправдывают свое нежелание помочь слепым и войти с ними в контакт, лицемерно ссылаясь на слова Христа: «Оставьте их». Такие оправдывающие ссылки на высказывания авторитетных людей нам всем хорошо известны, потому что мы не только их знаем, но и используем.

Слепые на картине очень разные.

Первый слеп от рождения или с младенчества. Он по-детски беспомощен, беззащитен, но другой жизни не знает. Его спокойствие — спокойствие безнадежного, бесцветного, привычного бытия. Нам трудно представить себе его внутренний мир. Он идет туда, куда его ведут, и весь его мир — это мир его ограниченных размышлений и фантазий слепого, который так мало знает об окружающем его многоцветном и богатом событиями внешнем мире. Но его внутренний мир, хотя и ущербен, но существует, и он в нем живет.

Второй слепой наделен сложным и сравнительно богатым внутренним миром. По-видимому, ранее он много повидал и познал до того как ослеп. Жизненные впечатления и размышления оставили характерные следы на его лице.

О третьем сказать что-либо трудно, он так встревожен, что черты его лица сильно искажены. Его лицо — это воплотившийся нервный вопрос, хотя и в этом частично просвечивает его личность.

Четвертый. Сдержан и скуп в проявлении чувств. Потери и беды закалили его и сделали выносливым. Он сейчас весь сосредоточился, готовясь или как-то удержаться, или упасть как можно мягче.

Рис. 3. П. Брейгель. Притча о слепых. Фрагмент

Каков пятый — неизвестно, он сейчас «не от мира сего». Он — как некогда Савл — прозрел! Все слепые этой цепочки искали ответ на вопрос, что происходит. Ответ нашел он один. И трагический пафос прозрения — это цена следования за слепым поводырем. Все вдруг открылось его внутреннему зрению, и спала пелена заблуждений: он увидел правду и сомнительный смысл поиска безопасного пути в сложном и ненадежном пространстве жизни (рис. 3). И в этот последний миг перед падением он своими пустыми глазницами направляет — почти выталкивает — пришедшую к нему истину нам...

Пронзителен, требователен и выразителен взгляд его пустых глазниц.

Это гениально найденный и воплощенный Брейгелем символ духовного прозрения, и в нем нашло свое выражение отношение художника к написанным им слепым. Брейгель был гениальным представителем эпохи Возрождения, когда у творчески мыслящих людей утвердилось уважение к человеку и к его внутреннему миру. Поэтому в достоверном, правдивом изображении внешности слепых не следует усматривать неприязнь к ним.

Пустые глазницы слепого, как и дырки в маске на картине «Детские игры», благодаря таланту Брейгеля обрели способность видеть.

Но просветит ли прозревший слепой своим взглядом — призывом — темноту нашей духовной слепоты и жестокости? Станем ли мы зрячими? Сможем ли мы видеть и понимать собственно человека за его, быть может, некрасивой или изуродованной внешностью?

Увидим ли мы глубокий символический подтекст этой картины? Не мы ли в нашей обывательской духовной слепоте цепляемся друг за друга, ставя высокую цену «доброму мнению» о нас, добиваясь его нередко недостойными путями, держась за соединяющие нас, как палки слепых, обязательства, привычки, косные обычаи и условности. Не изображена ли в картине Брейгеля судьба всех тех, кто не может вырваться из рутины общего марша — марша вслепую?

К прозревшему слепому Брейгель шел на протяжении всей своей творческой жизни. Он пришел к этому образу и к этой идее, досконально изучив природу слепоты людей, в том числе духовной и нравственной слепоты людей, наделенных физическим зрением, слепоты порожденной равнодушием, себялюбием, глупостью

Рис. 4. П. Брейгель. Нидерландские пословицы. Фрагмент

или ленью ума, высокомерным отношением к людям, лишившимся физической полноценности.

Многие персонажи на картинах Брейгеля вместо глаз имеют точки — «точки зрения». Это куда-то смотрящие, но незрячие пуговичные глаза. Зрение съела кислота суетности и алчности. Бельмо самомнения заслонило весь мир...

Духовно слепым людям **противопоставлен** прозревший слепой, который пронзительно *смотрит* на «зрячих» своими физически пустыми, но наполненными огромной духовной энергией, глазницами. В этом взгляде слепого читается призыв к зрителям, т. е. к нам, прозреть, посмотреть правде в глаза. *Глаза правды* — это особый орган зрения. Столкновение взгляда наших глаз со взглядом глаз правды — тяжелое для нас испытание. Можно внезапно увидеть самого себя таким, каков есть — без прикрас, без результатов несправедливого торга со своей совестью. Чаще всего мы предпочитаем уклониться от такого удара истины.

Цепочка слепых, ведомая слепым поводырем, есть и в картине Брейгеля «Нидерландские пословицы» (рис. 4). Этим слепых Брейгель написал у самого верхнего края картины. Они вытолкнуты из пространства жизни, они последние, кого мы увидим, рассматривая картину.

Каждому из слепых Питера Брейгеля можно адресовать слова стихотворения «Слепой» замечательного русского поэта Николая Алексеевича Заболоцкого:

Что ж ты плачешь, слепой?
Что томишься напрасно весною?
От надежды былой
Уж давно не осталось следа.
Черной бездны твоей
Не укроешь весенней листвою,
Полумертвых очей
Не раскроешь, увы, никогда.

Да и вся твоя жизнь —
Как большая привычная рана,
Не любимец ты солнцу,
И природе не родственник ты.
Научился ты жить
В глубине векового тумана,
Научился смотреть
В вековое лицо темноты...

И боюсь я подумать,
Что где-то у края природы
Я такой же слепец
С опрокинутым в небо лицом.

Литература

1. Дворжак Макс. Очерки по искусству Средневековья. М.: ОГИЗ, 1934. 272 с.
2. Roberts-Jones Philippe and Francoise. Pieter Bruegel. New York: Harry N. Abrams (Inc.), 2002. 351 p.
3. Гершензон-Чегодаева Н. М. Брейгель. М.: Искусство, 1983. 412 с.

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2013 г.